

Academia. Архитектура и строительство, № 1, стр. 62–70.
Academia. Architecture and Construction, no. 1, pp. 62–70.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.03
DOI: 10.22337/2077-9038-2024-1-62-70

«Город двуначальный – европейско-азиатский», «татарская Москва», «город университетский»: образы и мифы Казани в текстах XIX века

Нугманова Гульчачак Гилемхановна (Казань). Кандидат искусствоведения. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл. почта: gulchachak.n@gmail.com

Аннотация. В России XIX века Казанская губерния, хотя и относилась к числу «внутренних» и рассматривалась как одна из «великороссийских», но тем не менее не была рядовой административно-территориальной единицей в империи. Её уникальность определялась историческим прошлым региона и официальным восприятием города как столицы завоёванного татарского ханства, посредника в отношениях российского государства с мусульманским Востоком и центра распространения цивилизации в азиатской части России. Предметом специального исследования настоящей статьи стали впечатления, зафиксированные в текстах XIX века, – воспоминания, путевые заметки, дневники и т.п., выражающие неофициальное, частное восприятие Казани современниками, её городского пространства и архитектурной идентичности – русско-татарской, европейско-азиатской, университетской.

Ключевые слова: Россия XIX века, Казань, тексты XIX века, архитектура, идентичность

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств Государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023 год, тема № 1.2.3.1 «Архитектура российской провинции XIX – начала XX века в воспоминаниях и изображениях современников. Казанское Поволжье».

Для цитирования. Нугманова Г.Г. «Город двуначальный – европейско-азиатский», «татарская Москва», «город университетский»: образы и мифы Казани в текстах XIX века // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 1. – С. 62–70. – DOI: 10.22337/2077-9038-2024-1-62-70.

“The City of Two Origins – Euro-Asian City”, “Tatar Moscow”, “University City”: Images and Myths of Kazan in the 19th Century Texts

Nugmanova Gulchachak G. (Kazan). Candidate in Art Studies. The Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP) (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: gulchachak.n@gmail.com

Abstract. In 19th century Russia, the Kazan province was an “internal” and one of the “Great Russian” provinces, but nevertheless it was not an ordinary administrative-territorial unit in the empire. Its uniqueness was determined by the historical past of the region and the official perception of the city as the capital of the conquered Tatar state, a mediator in relations between the Russian state and the Muslim East, and the center of enlarging the area of civilization in the Asian part of Russia. The subject of this research is the impressions recorded in the texts of the 19th century – memoirs, travel notes, diaries, etc., expressing the unofficial and private perception of Kazan, its urban space and architectural identity – Russian-Tatar, Euro-Asian, university, by contemporaries.

Keywords: 19th-century Russia, Kazan, 19th-century texts, architecture, identity

Funding. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2023, topic No. 1.2.3.1 "Architecture of the Russian Province of the 19th – early 20th Centuries in the Memories and Images of Contemporaries. Kazan Volga Region"

For citation. Nugmanova G.G. "The City of Two Origins – Euro-Asian City", "Tatar Moscow", "University City": Images and Myths of Kazan in the 19th Century Texts. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2024, no. 1, pp. 62–70, doi: 10.22337/2077-9038-2024-1-62-70.

В России XIX века Казанская губерния, хотя и относилась к числу «внутренних» и рассматривалась как одна из «великороссийских», но тем не менее не была рядовой административно-территориальной единицей в империи. Её уникальность определялась историческим прошлым региона и официальным восприятием города как столицы завоёванного татарского ханства, посредника в отношениях российского государства с мусульманским Востоком и центра распространения цивилизации в азиатской части России¹. В фокусе внимания настоящей статьи – неофициальное, частное восприятие Казани, её городского пространства и архитектурного облика (рис. 1). Предметом специального исследования стали

впечатления, зафиксированные в текстах XIX века, – воспоминания, путевые заметки, дневники и т.п., оставленные лицами, по стечению обстоятельств оказавшимися в столице Казанской губернии.

В общественном сознании XIX столетия покорение Казани связывалось с освобождением от монголо-татарского владычества, а сам город неизбежно ассоциировался с его татарским прошлым, несмотря на продолжительное нахождение в составе российского государства. Именно так взирали на «покорённую столицу Золотой Орды» приезжие, с любопытством обозревая местность, откуда «гордые потомки Батыевы бросали гром и молнию на Россию, предписывали предкам нашим законы и в первопрестольный город наш Москву посылали изображения свои». Приведённые цитаты принадлежат Максиму Невзорову, в 1800 году сопровождавшему сенатора

¹ В XIX – начале XX века Казань была центром учебного, военного, почтово-телеграфного и судебного округов.

Рис. 1. Ж. Жакотте. Вид Казани со стороны озера Кабан. 1833 год (источник: [1, с. 48])

И.В. Лопухина в ревизионной поездке по Казанской, Вятской и Оренбургской губерниям [2, с. 147, 143]. «Побеждённым племенем татарским» назвал коренное («первобытное») население Казани Филипп Вигель, автор широко известных и популярных в XIX веке «Записок», побывавший в городе пятью годами позже [3, с. 171].

Сложившийся в общественном сознании ментальный образ будил интерес и заранее будоражил воображение путешественников, которые, прибыв на место, в первую очередь приступали к поиску визуальных признаков татарской идентичности Казани. Их естественнее всего было обнаружить в татарских кварталах города. Пройдя по Татарскому мосту, перекинутому через протоку Булак, человек оказывался в иной культурной среде. «Что за внезапная метаморфоза?» – восклицал англичанин Эдвард Турнерелли, передавая состояние изумления, которое охватывало путешественника при попадании из «совершенно европейского города» в пространство мусульманского города [4, с. 543].

Этно-конфессиональный облик поселения определяют прежде всего религиозные сооружения, соответственно, татарский ландшафт Казани призваны были визуализовать мечети. Однако до середины XIX века мечети города с фасадами в одном из господствовавших европейских стилей – барокко или классицизма – внешне мало отличались от остальной застройки, разве что ориентацией и наличием врезанных в конёк крыши невысоких минаретов. Возможно, поэтому Невзоров, сообщив в своей книге о четырёх мечетях в обеих татарских слободах, подробно остановился на описании интерьера одной из них [2, с. 151, 222], а Вигель проявил интерес исключительно к религиозному обряду: «заходил в их мечети и безвозбранно смотрел на их моление» [3, с. 171]. Узнать тонкости мусульманского богослужения пытался и Турнерелли [4, с. 549]. Со второй половины XIX века казанские мечети приобрели благодаря куполам и отдельно стоящим высоким минаретам более выраженные «восточные» очертания, привлекая внимание прибывших в город своими «красивыми силуэтами» [5, с. 57]. Жаждавшие местного колорита могли углядеть и отличительные особенности татарского жилища, несмотря на государственную регламентацию жилой застройки, например, в более высокой, чем у русских, и сужающейся кверху форме кровли [2, с. 243] или необычайно яркой раскраске фасадов [4, с. 543].

Если отыскание архитектурной инаковости татарских кварталов требовало определённых усилий, то принадлежность к древнему Казанскому царству башни Сююмбике была для всех очевидной. «Несомненным памятником времён татарских» назвал её Тарас Шевченко [6]. «Гляди – это кремль, а видишь красную башню с золотым шаром, татарская царица её ставила, когда Казань ещё за татарами была», – с воодушевлением рассказывал о башне Сююмбике казанец своему собеседнику – Павлу Мельникову, прибывшему из Нижнего Новгорода для обучения в Казанском университете, будущему писателю Андрею Печерскому [7, с. 82]. Турнерелли посвятил

башне Сююмбике целый раздел в своей книге, разделяя своё восхищение «красотой её архитектуры, изящностью формы и совершенством конструкции» с воображаемыми жителями Парижа и Лондона. Татарское происхождение башни англичанин аргументировал её «чисто азиатской архитектурой», объясняя азиатской традицией даже служившие для обзора ярусы, а также названием, запечатлевшим имя татарской царицы [4, с. 281, 282].

Воображаемое представление о Казани как о восточном городе формировалось заранее: «Казань... Иоанн Грозный... бирюза, мыло, халаты... Казанское царство... Преддверие Азии... доехали до Востока» – возглашал, предвкушая открытие, устами своего героя Владимир Соллогуб [8, с. 243–244]. В этом эмоциональном восклицании каждое слово являет собой атрибут идентичности Казани, татаро-мусульманское прошлое которой предопределяло все ожидания. Однако порой это предвидение оправдывалось не сразу: «Сначала ожидал и искал я в Казани азиатской физиономии, но везде передо мной подымались куполы с крестами, и только издали глаза мои открыли потом минареты», – выражал свои первоначальные чувства разочарования и досады Вигель [3, с. 171].

Означенные «куполы с крестами» придавали городу русские черты, и Казань, следовательно, с первого взгляда представляла скорее русским городом. Многочисленность древних православных храмов и их облик – «в одном стиле и современные московским церквам» – дали Вигелю основание назвать Казань «татарской Москвой». Схожесть с первопрестольной он усмотрел и в структуре расселения. По его наблюдениям, здесь купцы, чиновники и мелкие дворяне селились за Казанкой и Булаком подобно тому, как в Москве они обитали за Москвой-рекой и Яузой [3, с. 171]. Образную общность с древней столицей отметил и Шевченко: «Как издали, так и вблизи, так и внутри Казань чрезвычайно живо напоминает собою уголок Москвы: начиная с церкви, колоколен, до саек и калачей, везде, на каждом шагу видишь влияние белокаменной Москвы» [6]. Это естественное архитектурное следствие русского завоевания Вигель трактовал в имперском контексте: «Казань, сколько могла, старалась рабски всё перенимать у победительницы своей, Москвы» [3, с. 171].

К аналогичным архитектурным заимствованиям, привнесшим наряду с православными храмами в облик российских городов русскость, относились и древние кремли. Не был исключением и возведённый в XVI–XVII века русскими казанский кремль «со своими высокими стенами, со своими круглыми башнями». «Казанский кремль, как нижегородский, имеет родственное сходство с московским кремлём: это меньшие братья его», – констатировал общность российских крепостей Александр Герцен [9, с. 66]. В один ряд ставил эти кремли и нижегородец Петр Боборыкин, считая, однако, что родная ему нижегородская крепость по живописности превосходила казанскую, в которой «историческая татарская старина сводилась едва ли не к одной Сумбекиной башне» [10, с. 57]. Но даже «татарская» башня Сююмбике вызывала

знакомые русскому человеку образы. Шевченко, хоть и называл её «несомненным памятником времён татарских», однако очевидные архитектурные параллели невольно заставили признать казанское сооружение «единоутробною сестрою Сухаревой башни» [6]. Такое «русское» восприятие казанского кремля шло вразрез с официальным представлением о нём как о древней татарской крепости, «некогда столь долго сопротивлявшейся московскому могуществу». Так характеризовал её сам Николай I, как следует из мемуаров Александра Бенкендорфа, в 1836 году сопровождавшего императора в казанской поездке. Именно эти ассоциации, по утверждению «шефа жандармов», и побудили государя возобновить «во вкусе той эпохи, когда над Россиею ещё тяготело татарское иго, старинный ханский дворец, место которого ещё указывала одна сохранившаяся башня (Сююмбике. – Г.Н.)» [11, с. 733].

Подобно изобразительным произведениям, тексты XIX столетия фиксировали очаровывающий вид казанской крепости во время весеннего половодья, когда всё пространство от Волги до города покрывалось водой, подступавшей к самому подножию кремлёвского холма. «Волга и Казанка перемешивают свои волны... Суда, нагруженные товарами, доходят до самых стен крепости; селения, основанные на возвышенностях, кажутся выходящими из недр волн: так же я представлял себе Египет во время разлива Нила. В это время Казань уподобляется морской гавани», – так образно и красочно описывал город в период разлива профессор Казанского университета Иван Томас [12, с. 81].

Таким образом, перед взором путешественника Казань представляла очевидно русско-татарским или православно-мусульманским городом. Этно-конфессиональную двухчастную сущность города Невзоров передаёт одной лаконичной фразой: «Великолепные церкви, татарские мечети и два больших рынка на Проломной и Сенной улицах» (находились в русской и татарской частях города соответственно. – Г.Н.) [2, с. 190]. Более живописно изложил свой панорамный русско-татарский взгляд на город 1870-х годов Василий Немирович-Данченко: «Перед вами вырезывается вся она (Казань.

Рис. 2. В.С. Турин. Воскресенская улица и Гостиный двор. 1834 год (источник: [1, с. 75])

– Г.Н.) со своими белыми домами, зелёными раинами садов, колокольнями церквей и минаретами многочисленных мечетей. Белый кремль на холме с пресловутою башнею Сумбеки, белые стены монастыря – всё это сползает вниз, умаяясь и умаяясь, пока не пропадёт в зелёной сочной ложбине, чтобы сейчас же массою татарских домов, перемешанных с красивыми силуэтами мечетей, взбежать наверх» [5, с. 57]. Колокольни и минареты были самыми яркими, первыми бросающимися в глаза каждому прибывающему в город по Волге визуальными признаками русско-татарской идентичности Казани. «Вдали показались колокольни и минареты Казани», – запечатлел показавшийся с парохода город В.Н. Назарьев [13, с. 74].

Эту русско-татарскую двуначальность Герцен интерпретировал как западно-восточную, европейско-азиатскую, указав на великое геополитическое значение Казани как «места встречи и свидания двух миров»: «в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрёстке. Далее на восток слабеет начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начало». Пограничная связующая миссия Казани хорошо осознавалась современниками. «Ежели России назначено... перенести Запад в Азию и ознакомить Европу с Востоком, то нет сомнения, что Казань – главный караван-сарай на пути идей европейских в Азии и характера азиатского в Европу», – продолжал далее Герцен [9, с. 65]. Цивилизационную роль региона Турнерелли отметил, обозначив Казань точкой соединения европейской и азиатской России, «очагом распространения цивилизации среди полудиких народов Сибири» [4, с. 174, 261]. «Здесь начинаешь как будто прощаться с матушкой-Россией и близиться к огромной её дочери Сибири», – образно характеризовал периферийность места Вигель [3, с. 175].

Описывая русско-татарские составляющие казанской идентичности, Турнерелли для большей показательности строит своё эмоциональное повествование на контрасте, несколько преувеличивая «европейскость» русских кварталов и «восточность» татарских. Христианским церквям с куполами и позолоченными крестами он противопоставил мусульманские мечети с узкими минаретами и полумесяцами; серому цвету европейских зданий из камня и кирпича – «фантастические краски и бесконечное разнообразие форм восточной архитектуры»; лёгким европейским туалетами русских женщин – плотные вуали и платья татарских; суетливости русских лавочников – неспешность татарских мулл в больших тюрбанах и разноцветных халатах из персидских и бухарских тканей. «Мы очарованы этим зрелищем, мгновенно перенёсшим нас из Европы в Азию!» – восклицает англичанин, завершая сопоставление [4, с. 174, 177, 543, 544]. Адресуя рассказ о своём путешествии по новым землям главным образом западному читателю, он представлял Казань восточным городом, аналогичным колониальным городам европейских держав, и в то же время – европейским городом. Книга была призвана изумить иностранца, подобно ему ожидавшего увидеть

варварское поселение, «нищее татарское захолустье», но обнаружившего вдруг на границе Азии малоизвестный, но вполне европейский город.

Очевидным воплощением европейскости служило урегулированное и застроенное современными зданиями с европейскими фасадами городское пространство. «Регулярно выстроенный и прямыми приятными улицами разделённый» город восхитил Невзорова уже в 1800 году [2, с. 190]. Казанскими улицами – «столь правильно выстроенными» – Турнерелли готов был похвастаться перед жителями Лондона и Парижа, сумей он перенести их по воздуху в Казань [4, с. 174–175].

Лицо Казани определял её центр, формировавшийся вдоль протянувшейся по гребню кремлёвского холма Воскресенской улицы (рис. 2). Любопытно, что не единожды она называлась архаичным для XIX столетия топонимом «Большая», обычно применяемым для обозначения главной городской улицы русского средневекового города [3, с. 171; 6]. В начале века только здесь и в прилегающих кварталах были замечены сплошное каменное строительство, общественные и торговые здания, лучшие дома казанской аристократии [3, с. 171]. В конце 1830 годов на «красивой Воскресенской улице» Турнерелли выделил университет с его «широким и торжественным фасадом», университетскую клинику «в строгом официальном стиле», Воскресенскую церковь с «изящной колокольней», караульную башню при полицейской части, дом генерал-губернатора, гостинный двор и Спасскую башню, замыкавшую «впечатляющую перспективу уличного ансамбля». Гостиному двору он приписал восточное происхождение: «Гостинный двор – здание почти колоссальное, такое азиатское в своей конфигурации, со своими сводчатыми галереями и со своими многочисленными магазинами». Считая комплекс разнообразностью турецкого или персидского караван-сарая, британец, по его словам, много раз и всегда с неизменным любопытством любовался этим зданием [4, с. 175, 228]. Некоторые уподобляли главную казанскую улицу петербургскому Невскому проспекту, на который она якобы походила «своею чопорностью и торцовой мостовой» [6].

В 1836 году Казань произвела очень благоприятное впечатление на Николая I царившей в городе «опрятностию, множеством украшающих её изящных церквей и других зданий и видом общего довольства» [11, с. 733]. В рейтинге российских городов её помещали сразу после столиц. «Прекраснейшим и во всей России после Москвы и Петербурга, лучшим городом» назвал её Невзоров [2, с. 149]. Третьим русским городом в империи посчитал Казань и Вигель, подчеркнув и противопоставив при этом её русскость немецкой Риге, польскому Вильно и вавилонской Одессе [3, с. 171]. Тексты изобилуют высокими оценками Казани, которую относят к «бесспорно наилучшим городам России» (Григорий Гельмерсен, цит. по [14, с. 810]), «первейшим из провинциальных городов России», «одному из самых красивых городов империи» [4,

с. 203, 207]. Восторг академика Гельмерсена, как и других прибывших в Казань, главным образом вызывало сочетание в едином городском пространстве древностей – татарских и русских, церквей и мечетей на фоне «прекрасных зданий в новом вкусе». Именно современную архитектуру – «вовсе не губерньскую» – отметил Пётр Кропоткин, желая подчеркнуть непохожесть Казани на виденные им губернские города («все они, кроме некоторых особенностей, во всём прочем схожи»). «Прибавьте к этому много очень древних церквей. Кремль, высокая башня (Сююмбике. – Г.Н.), остаток знаменитой осады, минареты, – продолжал он, заключив, – Следовательно, город своеобразен». Однако в первую очередь Кропоткин увидел Казань университетским городом [15, с. 18].

Казанский университет – «третий императорский» – сам по себе являлся одной из главных идентичностей Казани и выделял город не только в ряду губернских столиц, но и среди университетских центров империи, ставя его после московского и петербургского (рис. 3). Однако своей архитектурой Казанский университет в глазах современников определённо затмевал столичные университеты: был «бесспорно красивейшим из всех университетов России» [16, с. 615], «строением огромным и величественным, размеры и архитектура которого превосходили университеты Петербурга и Москвы» [4, с. 175]. Архитектура Казанского университета, по мнению Турнерелли, делала его достойным находиться в ряду университетов Англии, Франции и Германии [4, с. 263]. Он признавался украшением Казани [4, с. 266], «самым красивым зданием» города [12, с. 81], «красивейшим из всех зданий в Казани» [16, с. 615], «одним из красивейших зданий города» [17, с. 42]; казался «огромным» [12, с. 81], «грандиозным» [18, с. 91; 19, с. 53], производил впечатление своею величественностью [20, с. 644; 9, с. 91; 21, с. 302].

Взгляд в первую очередь приковывал обращённый на Воскресенскую улицу передний корпус: «великолепное главное здание университета, украшенное грандиозными тремя ионическими портиками [6]; «выстроен довольно красиво, в три этажа и с тремя колоннадами» [18, с. 90]; «фасад глав-

Рис. 3. В.С. Турин. Императорский Казанский университет. 1834 год (источник: [1, с. 77])

ного корпуса, выходящий на Воскресенскую улицу, с тремя рядами колонн, увенчанный посередине крестом, представлял восхитительный вид» [16, с. 615]; «большие окна и красивые входные двери делали его внешний вид ещё привлекательнее» [18, с. 91]. Главное здание стало подлинным «торжеством искусства архитектора Пятницкого» [17, с. 42]. Другие сооружения университетского ансамбля ставились, скорее, в заслугу ректору, чем проектировавшему их архитектору Михаилу Коринфскому. В этих зданиях, устроенных, как считалось, Николаем Лобачевским, выделялись «ум, обдуманность и даже роскошь», «свежесть, глянец, лоск, чистота» [20, с. 644]. Они «по своей грандиозности и прочности не оставляли желать ничего лучшего» [19, с. 53], а по признанию Николая I вообще были лучшим, что ему когда-либо случалось видеть в этом роде [11, с. 733]. Особенно восхитительный вид открывался на университет с волжской стороны: «с Услонской горы, нависшей над Волгой, видна вся Казань и в центре города, на самом возвышенном месте – университет. Эта картина производит чарующее впечатление» [16, с. 615].

У прибывших из провинции архитектура университета вызвала наиболее глубокие переживания. «Я долго не мог оторвать от него (университета – Г.Н.) своих глаз, рассматривая его то весь, то по частям», – делился своими эмоциями саратовец М.А. Воронов. Ему, по его собственному признанию, никогда до сих пор не виделшему порядочных зданий, университет показался чем-то грандиозным. «Какие же люди должны жить в таком доме? Что они должны думать? Какие дела должны делать?» – задавался он глубокомысленными вопросами, «поминутно останавливаясь и глядя на величественное здание» [18, с. 90–91]. «Здание университета в глазах новичка студента казалось каким-то священным храмом, внушающим невольное желание снять шапку», – вспоминал нижегородец К.В. Лаврский [22, с. 192]. «Мы невольно сняли фуражки... у меня слезы выступили на глазах», – так описывал свое душевное состояние, охватившее при виде университета, Павел Мельников, другой житель Нижнего Новгорода [7, с. 83].

Своеобразно интерпретировали горожане внутриворотовое университетское пространство с «оригинальной обстановкой» – окружённой колоннадой полукруглой площадью с ротондой анатомического театра в вершине и памятником русскому просветителю и уроженцу Казани Гавриилу Державину в центре, величественной лестницей, ведущей в главное здание. Двор представлялся им «чем-то вроде древней площади в Афинах и, казалось, ждал, чтобы какой-нибудь Сократ собрал здесь вокруг себя толпу учеников, жадно прислушивающихся к каждому слову учителя» [22, с. 192]. Поза поэта, погружённого в размышления, породила в городском фольклоре местное выражение «Ах, ты Державин этакий!», указывавшее на мечтательность и задумчивость [14, с. 29]. Специфически восприняли скульптурный образ разные этнические группы казанцев. Так, грузчики-татары, выгружавшие на университетском дворе памятник, приняли его за батыра,

сражавшегося с воинами царя Ивана Грозного, в то время как русские жители увидели в бронзовой фигуре богатыря Державу [14, с. 28].

Шевченко застал памятник «в миниатюрном палисаднике, меланхолично созерцаемым рудою коровою» [6]. Иронизируя над сценой с коровой, он сокрушался об отсутствии перед главным зданием площади, при наличии которой оно, по его убеждению, много бы выиграло [6]. С отсутствием площади связывали недостаточную привлекательность университета и другие: «Длинное здание его, при малой высоте, не поражает величественностью, тем более, что стоит в улице, а не на просторе» [23, с. 31]. В то же время некоторые пространство между университетом и расположенной напротив с отступом от красной линии улицы клинкой вполне воспринимали как площадь [21, с. 302; 16, с. 615].

Со временем стали замечаться архаизация и деградация университетских помещений: приводившие в отчаяние тёмные и узкие коридоры [23, с. 31], становившиеся тесными и нецелесообразными учебные корпуса [20, с. 644]. Воспоминания фиксируют бедный и обветшалый вид университета 1880–1890-х годов, потерявшие былой лоск аудитории, облупившуюся штукатурку, трещины на стенах; тяжёлые облупившиеся колонны, печать неряшливости и скудости на всём; перекрашенные в чёрный цвет белые бюсты великих людей, в прошлом украшавшие вестибюль, а теперь приобретшие траурный, мрачный и недовольный вид [10, с. 61; 13, с. 74–75]. Тем не менее университет и в эти годы производил впечатление «своею величественной внешностью снаружи и во дворе» [2, с. 302].

Разочарование порой вызывал и сам город, не соответствовавший воспоминаниям. Подобные ощущения испытал человек, приехавший в Казань после длительного отсутствия, когда он, взволнованный ожиданием, вышел на хорошо знакомую, в его воображении все ещё великолепную Воскресенскую улицу. Однако отнюдь не таким предстал перед ним город: «пыль, такая едкая, что глазам больно. Серо и безжизненно вокруг, извозчичьи клячи, забрызганные грязью дрожки... двухэтажные, как две капли воды похожие друг на друга дома, насквозь промокшие от снега и дождя, тусклые окна». Кроме того, оказалась вырубленной часть тенистых берёз, окружавших Чёрное озеро; на месте знакомого уютного домика стоял безобразный двухэтажный дом из красного кирпича; когда-то утопавшая в садах улица с низкими деревянными домиками была сплошь застроена «неуклюжими ящиками». «Чувство недовольства во мне росло и росло», – завершил свое унылое описание автор [13, с. 74–75].

Одни и те же элементы среды могли по-разному фиксироваться в памяти. Так, пока один красочно описывал ужасные, ломавшие экипажи казанские мостовые [24, с. 44], другой в это же самое время именно их выделил в качестве второй после университета локальной достопримечательности, выгодно отличавшей Казань от прочих российских городов: «во-вторых, в Казани мостовые удивительно хороши для

губ[ернского] города, на некоторых улицах очень порядочны, попадаются клочки торцовой (огромные шашки, между прочим)», – написал Кропоткин в 1862 году [15, с. 18].

Критический взгляд на городское пространство характерен для Казани середины XIX столетия, в которой множились проблемы больших городов. Писавший об ужасных мостовых человек упоминал также казанские тротуары, ломавшие ноги прохожим, непроницаемую тьму ночных улиц, лишь кое-где освещённых тусклыми, заправленными маслом вонючими фонарями. «В 1860 году Казань ещё не помышляла ни о водопроводе, ни о конно-железных дорогах, ни о газовом освещении», – разъяснял автор «первобытное состояние» города и добавлял: «несмотря на то, что в ней (Казани. – Г.Н.) существовал университет», – как бы удивляясь городской неблагоустроенности в условиях существования в городе такого научно-образовательного учреждения [24, с. 43–44]. Именно с университетом связывалось будущее города: «как ни медленны были тогда сообщения, как ни туги были к восприятию нового почти все казанцы, всё же университету, энергично бодрившему всё и вся, внутри и вне своих стен, принадлежало в Казани, несомненно, первое место в деле скорейшего пробуждения» [25, с. 253]. Не случайно, видимо, первым пореформенным городским головой стал профессор математики Казанского университета Э.П. Янишевский, при котором появились водопровод, газовое освещение, конно-железная дорога, был замощён ряд улиц и площадей.

Проведённый ретроспективный обзор текстов убедил, что своеобразие Казани отчётливо ощущалось современниками, в первую очередь, приезжими, которые, конечно, острее, чем местные, воспринимали специфичность места и его особенности, порой ускользающие в привычной повседневной жизни. Казанская идентичность виделась в исторической принадлежности города к иной этно-конфессиональной культуре, его пограничной связующей роли, значимости места как центра насаждения «плодов европейской науки и просвещения в глухом и наполовину диком крае», одновременно сосуществовании нескольких начал – татарского, русского, европейского, азиатского – которые, перефразируя Александра Герцена, «от непрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру» [9, с. 65].

Список источников

1. *Вербина, О.Г.* Живописное путешествие по старой Казани : альбом / О.Г. Вербина. – Казань : Заман, 2006. – 142 с. – ISBN: 5-89052-032-6. – Текст : непосредственный.
2. *Невзоров, М.* Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году Максима Невзорова / М. Невзоров. – Москва, 1803.
3. *Вигель, Ф.Ф.* Записки / Ф.Ф. Вигель. – Москва : Захаров, 2000. – 590 с. – ISBN 5-8159-0092-3. – Текст : непосредственный.
4. *Турнерелли, Э.* Казань и её жители / Эдвард Турнерелли; перевод с французского. – Текст : непосредственный;

Казань – древняя столица ханов / Э. Турнерелли; перевод с английского. – Текст : непосредственный; Этот занятный несносный британец : полемика / Текст : непосредственный; Виды Казани, рисованные с натуры : альбом репродукций / Текст : непосредственный. – Казань : ДОМО «Глобус», 2005. – 1183 с.

5. *Немирович-Данченко, В.И.* Великая река : Картины из жизни и природы на Волге / В.И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург : П.П. Сойкин, 1902. – Текст : непосредственный.

6. *Шевченко, Т.Г.* Дневник / Т. Г. Шевченко. – Москва ; Ленинград : Academia, 1931. – 438 с. – Текст : непосредственный.

7. *Мельников, П.И.* (Андрей Печерский). Автобиография / П.И. Мельников. – Текст : непосредственный // Знаменитые люди о казанском крае. – Казань : Татарское книжное издательство, 1990. – 223 с.

8. *Соллогуб, В.А.* Тарантас : Путевые впечатления / В.А. Соллогуб. – Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Андрея Иванова, 1845. – 290 с. – Текст : непосредственный.

9. *Герцен, А.И.* Письмо из провинции / А.И. Герцен. – Текст : непосредственный // Знаменитые люди о Казанском крае : Сборник. – Казань : Татарское книжное издательство, 1987. – 182 с.

10. *Боборыкин, П.Д.* За полвека : Мои воспоминания / П.Д. Боборыкин. – Москва ; Ленинград : Земля и фабрика, 1929. – 383 с. – Текст : непосредственный.

11. *Бенкендорф, А.К.* Записки графа А.Х Бенкендорфа / А.Х Бенкендорф. – Текст : непосредственный // Н.К. Шильдер. Император Николай I: его жизнь и царствование : В 2-х томах. – Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1903. – С. 647–764.

12. *Томас, И.Г.* Путешествие пр. Томаса в 1842 году от Москвы до Казани / И.Г. Томас. – Текст : непосредственный // Знаменитые люди о Казанском крае : Сборник. – Казань : Татарское книжное издательство, 1987. – 182 с.

13. *Назарьев, В.Н.* Воспоминания о Л.Т. Мейере и др. из статей Загоскина и Е.Н. Назарьева / В.Н. Назарьев. – Текст : непосредственный // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета.1904. – 311 с. – С. 61–76.

14. *Вишленкова, Е.А.* Terra Universitatis : два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань : Казанский государственный университет, 2005. – 498 с. – ISBN 5-98180-197-2. – Текст : непосредственный.

15. *Кропоткин, П.А.* Дневник П.А. Кропоткина / П.А. Кропоткин. – Москва ; Петроград : Государственное издательство, 1923. – 292 с. – Текст : непосредственный.

16. *Михайлов, И.И.* Воспоминания И.И. Михайлова // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. – М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. С.

17. *Мамаев, Н.И.* Из воспоминаний Н.И. Мамаева / Н.И. Мамаев. – Текст : непосредственный // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета, 1904. – 311 с. – С. 39–49.

18. *Воронов, М.А.* Из воспоминаний / В.А. Воронов. – Текст : непосредственный // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета, 1904. – 311 с. – С. 77–97.

19. *Михайлов, И.И.* Из воспоминаний И.И. Михайлова // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : Типография императорского университета, 1904. – С. 50–60.

20. *Вагнер, Н.П.* // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Собр. и ред. Л.Б. Модзалевский. – Москва – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – 828 с. – Текст : непосредственный.

21. [С.Г.] Отрывки из воспоминаний (1874–1877 гг.) // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета, 1904. – 311 с. – С. 274–311.

22. *Лаврский, К.В.* Воспоминания о профессорах и студентах в начале 1860-х годов / К.В. Лаврский. – Текст : непосредственный // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета, 1904. – 311 с. – С. 191–236.

23. *Лебедев, В.А.* Учебные воспоминания / В.А. Лебедев. – Текст : непосредственный // Русская старина. – 1908. – № 7.

24. *Суворов, П.П.* Записки о прошлом. Ч. 1 / П.П. Суворов. – Москва : типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1898.

25. *Смоленский, С.В.* Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах / С.В. Смоленский. – Текст : непосредственный // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета : Былое из университетской жизни. – Казань : С.-Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Императорского Казанского университета, 1904. – 311 с. – С. 237–273.

References

1. Verbina O.G. Zhivopisnoye puteshestvie po staroi Kazani [A Picturesque Tour of the Old Kazan], album. Kazan, Zaman Publ., 2006, 142 p., ISBN : 5-89052-032-6. (In Russ., Engl., Tatar.)

2. Nevzorov M. Puteshestvie v Kazan', Vyatku i Orenburg v 1800 godu Maksima Nevzorova [Travel to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800 by Maxim Nevzorov]. Moscow, 1803. (In Russ.)

3. Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow, Zakharov Publ., 2000, 590 p., ISBN 5-8159-0092-3. (In Russ.)

4. Turnerelli E. Kazan' i ee zhiteli [Kazan and its Inhabitants], transl. from French; Kazan' – drevnyaya stolitsa khanov [Kazan – the Ancient Capital of the Khans] transl. from engl.; Etot zanyatnyi nesnosnyi britanets [This Amusing Obnoxious Briton], controversy; Vidy Kazani, risovannye s natury [Views of Kazan, Drawn from Nature], an album of reproductions. Kazan', DOMO "Globus" Publ., 2005, 1183 p. (In Russ.)

5. Nemirovich-Danchenko V.I. Velikaya reka : Kartiny iz zhizni i prirody na Volge [Great River: Pictures from Life and Nature on the Volga]. St. Petersburg, P.P. Soykin Publ., 1902. (In Russ.)

6. Shevchenko T.G. Dnevnik [Diary]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1931, 438 p. (In Russ.)

7. Mel'nikov P.I. (Andrei Pecherskii). Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Znamenitye lyudi o Kazanskom krae [Famous People about the Kazan Region]*, Collection. Kazan', Tatar Book Publishing House, 1990, 223 p. (In Russ.)

8. Sollogub V.A. Tarantas : Putevye vpechatleniya [Tarantas: Travel impressions]. St. Petersburg, Publication by bookseller Andrei Ivanov, 1845, 290 p. (In Russ.)

9. Gertsen A.I. Pis'mo iz provintsii [Letter from the Province]. In: *Znamenitye lyudi o Kazanskom krae [Famous People about the Kazan Region]*, Collection. Kazan', Tatar Book Publishing House, 1987, 182 p. (In Russ.)

10. Boborykin P.D. Za polveka : Moi vospominaniya [For half a Century: My Memories]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1929, 383 p. (In Russ.)

11. Benkendorf A.Kh. Zapiski grafa A.Kh. Benkendorfa (1832–1837 gg.) [Notes of Count A.Kh. Benckendorf (1832–1837)]. In N.K. Shil'der: *Imperator Nikolai I: ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Nicholas I: His Life and Reign]*, in 2 volumes. St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1903, pp. 647–764. (In Russ.)

12. Tomas I.G. Puteshestvie pr. Tomasa v 1842 godu ot Moskvyy do Kazani. In: *Znamenitye lyudi o Kazanskom krae : Sbornik [Famous People about the Kazan Region]*, Collection. Kazan' : Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 182 p. (In Russ.)

13. Nazar'ev V.N. Vospominaniya o L.T. Meiere i dr. iz statei Zagoskina i E.N. Nazar'eva [Memories of L.T. Meiere et al. from Articles by Zagoskin and E.N. Nazariev]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni [Past from University Life]*, Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 61–76. (In Russ.)

14. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis : dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani [Terra Universitatis: Two Centuries of University Culture in Kazan]. Kazan', Kazan State University Publ., 2005, 498 p., ISBN 5-98180-197-2. (In Russ.)

15. Kropotkin P.A. Dnevnik P.A. Kropotkina [Diary of P.A. Kropotkin]. Moscow, Petrograd, State Publishing House, 1923, 292 p. (In Russ.)
16. Mikhailov, I.I. Vospominaniya I.I. Mikhailova [Memoirs of I.I. Mikhailov]. In L.B. Modzalevsky (collect. and ed.): *Materialy dlya biografii N.I. Lobachevskogo* [Materials for the Biography of N.I. Lobachevsky]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948, 828 p. (In Russ.)
17. Mamaev N.I. Iz vospominanii N.I. Mamaeva [From the Memoirs of N.I. Mamaev]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 39–49. (In Russ.)
18. Voronov M.A. Iz vospominanii [From memories]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 77–97. (In Russ.)
19. Mikhailov I.I. Iz vospominanii I.I. Mikhailova [From the Memoirs of I.I. Mikhailov]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 50–60. (In Russ.)
20. Vagner N.P. In L.B. Modzalevsky (collect. and ed.): *Materialy dlya biografii N.I. Lobachevskogo* [Materials for the Biography of N.I. Lobachevsky]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948, 828 p. (In Russ.)
21. [S.G.] Otryvki iz vospominanii (1874–1877 gg.) [Excerpts from Memoirs (1874–1877)]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 274–311. (In Russ.)
22. Lavrskii K.V. Vospominaniya o professorakh i studentakh v nachale 1860-kh godov [Memories of Professors and Students in the Early 1860s]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 191–236. (In Russ.)
23. Lebedev V.A. Uchebnye vospominaniya [Educational memories]. In: *Russkaya starina*, 1908, no. 7, p. 31. (In Russ.)
24. Suvorov P.P. Zapiski o proshlom [Notes about the Past], Part 1. Moscow, typo-lithography of the partnership I.N. Kushnerev and Co, 1898. (In Russ.)
25. Smolenskii S.V. Iz vospominanii o Kazani i o Kazanskom universitete v 60-kh i 70-kh godakh [From Memories of Kazan and Kazan University in the 60s and 70s]. In: *Byloe iz universitetskoi zhizni* [Past from University Life], Literary collection for the 100th anniversary of the Imperial Kazan University. Kazan', S.-Peterburgskoe obshchestvo vspomoshchestvovaniya byvshim vospitannikam Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [St. Petersburg Society for Assistance to Former Students of the Imperial Kazan University], 1904, 311 p., pp. 237–273. (In Russ.)